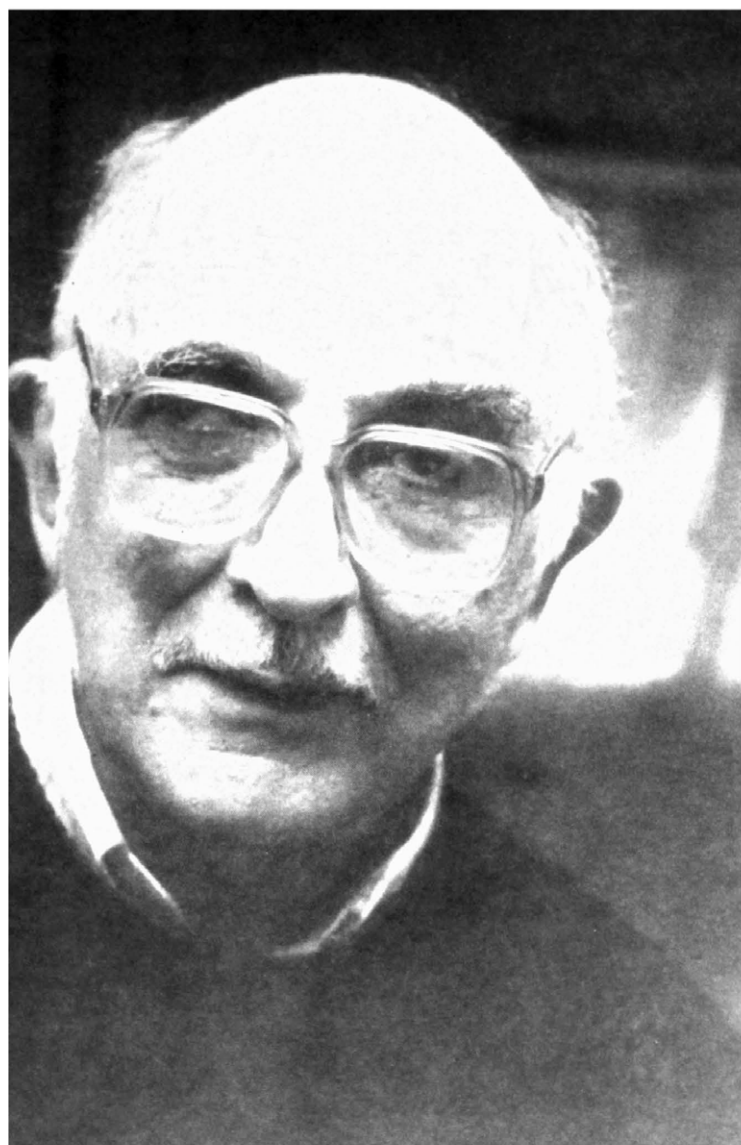

А. М. ПЯТИГОРСКИЙ

ИЗБРАННЫЕ
ТРУДЫ

ЯЗЫК . СЕМИОТИКА . КУЛЬТУРА

А. Пятигорский

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Составление и общая редакция Г. Амелина

Школа
«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»
Москва 1996

**ББК 87.3
П57**

**Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 96-04-16134**

Пятигорский А. М.

**П57 Избранные труды. – М.: Школа «Языки русской культуры»,
1996. – 590 с.
ISBN 5-88766-028-7**

"Избранные труды" крупнейшего русского философа, профессора Лондонского университета, Александра Моисеевича Пятигорского (род. 1929 г.) объединяют работы более чем за 30 лет. От статей периода участия автора (до эмиграции в 1974 г.) в Московско-тартуской семиотической школе – и до создания собственной оригинальной философии.

Фундаментальные монографии остаются за пределами тома. Последний включает статьи из труднодоступных эмигрантских журналов 70–80 годов ("Континент", "Синтаксис", "Беседа" и др.), выступления по радио "Свобода" и BBC, интервью, прозу и статьи по самым разным философским проблемам.

Издание подобного рода – впервые.

Благодаря широкому и яркому подбору материала, книга удовлетворит интересы самой разнообразной аудитории.

ББК 87.3

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su) the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: helle_d@danadata.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства Школа «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-88766-028-7

© А.М. Пятигорский, 1996
© Г.Г. Амелин. Составление, 1996
© А.Д. Кошелев. Серия
«Язык. Семиотика. Культура», 1995
© В.П. Коршунов. Оформление серии, 1995

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	9
--------------	---

I. СЕМИОТИКА

Некоторые общие замечания относительно рассмотрения текста как разновидности сигнала	15
О некоторых теоретических предпосылках семиотики	30
Семиотическая ситуация и ее наблюдатель	33
Семиотическая ситуация в свете обсервативной методологии	37
Несколько слов об изучении религии	43
Заметки из 90-х о семиотике 60-х годов	53

II. ФИЛОСОФИЯ

Три беседы о метатеории сознания (совместно с М.К. Мамардашвили)	61
Заметки о «метафизической ситуации»	108
О психоанализе из современной России	116
В сторону Глюксмана	134
Утопия как незажившая интрига	142
Реакция философии на тоталитаризм (Не-методологические заметки о возможности анархической философии)	147
Комментарий к избранной автобиблиографии	159
О философской работе Зильбермана	161
<i>ПРИЛОЖЕНИЕ.</i>	
Д. Зильберман. Приближающие рассуждения между тремя лицами о модальной методологии и сумме метафизик	173
Памяти философа	197

Философ Мераб Мамардашвили	201
«Мысль держится, пока мы...»	204
Заметки об одной из возможных позиций философа	207

III. ФИЛОСОФИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Пастернак и «Доктор Живаго».	
Субъективное изложение философии доктора Живаго	213
Чуть-чуть о философии Владимира Набокова	231
Племянник своего дяди. Философские заметки о книге Андрея Синявского «„Опавшие листья“ В.В. Розанова»	242
Толстовская трактовка буддизма	251
Философия или литературная критика	256
«Другой» и «свое» как понятия литературной философии	264

IV. ИНТЕРВЬЮ

Индивид и культура	273
«Я — человек никакой культуры»	298
Как мы изучали философию.	
Московский университет, 50-е годы	308
О времени в себе.	
Шестидесятые годы — от Афин до ахинеи	318
Власть и властители дум	336

V. ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ НА РАДИО «СВОБОДА» И ВВС

Конец века — конец финализма	349
Позиция наблюдающего современное мышление.	
История и утопия	353
Демократия как меньшее зло	358

О постмодернизме	362
Является ли будущее «зеленых» розовым	369
Имеет ли мыслящий человек право ошибаться?	373
Мир без политики или мир без левых и правых	377
Мысли о старении и распаде	381
Полемика о Пастернаке в английской прессе	386
ПРИЛОЖЕНИЕ.	
Письмо в «Times Literary Supplement»	388
К портрету Кожева	390
Бог, человек и миссис Тэтчер	394
Четверть века спустя. Разговор о разговоре с Кестлером	396
Альфред Айер	398
Катафалк Ж.-П. Сартра	400
Кому сейчас нужен Сократ?	402

VI. ПРОЗА

Философия одного переулка	407
Вспомнишь странного человека...	499
Человек не как другие (совместно с О. Кантли)	539

ОТ РЕДАКТОРА

Я ничего не выражал, не отражал,
не отображал, не изображал.

Б. Пастернак. «Люди и положения»

Я назвал бы его философом одного города. Того самого города, историком которого был Салтыков-Щедрин. Один из богоносных героев русской литературы, не совладав с превратностями пути, переворачивается вместе с телегой и восклицает: «Каженный день на ефтом самом месте!» Такая эксцентричность в масштабах всей русской культуры превращает комический эпизод в самое что ни на есть трагическое и безысходное проклятие. В России всегда что-то случается, но ничего не происходит. Неизменно спотыкающаяся на одном и том же месте, совершающая одни и те же ошибки, культура просто теряет смысл. Сознание не возвращается на место им однажды покинутое. Отрицая индивидуальность, эта культура превращается в гигантскую машину по уничтожению смыслов, детоубийственную Медею. Отсюда рождается интимная тема философа — путем зерна, как сказал бы поэт, идти на обретение и восстановление утраченных культурой смыслов. И он весь в поисках этого утраченного смысла. Пятигорский — перекасти-поле, академический бомж, человек без возраста и звания. «Я не занимаюсь наукой, — признавался он, — а ищу способ существования.» И этот способ был найден (или только указан?) в совершенно оригинальной манере философствования.

Свою книгу «Символ и сознание» авторы с пронизательным остроумием посвятили друг другу. Встреча двух мыслителей в конце шестидесятых стала событием, превосходящие последствия которого еще предстоит понять и оценить по достоинству. «Символ и сознание» — это «Золотой теленок» русской философии. Находясь под огромным влиянием Мераба Мамардашвили, Пятигорский, однако, сохранил в этом диалоге и свою собственную неповторимую интонацию, лишь усилившуюся после отъезда в середине семидесятых в Лондон. Все знающие его единодушны во мнении, что печатные работы не отражают и десятой доли его устного обаяния. Блистательный собеседник, Пятигорский немыслим вне стихии устной речи и живого события мысли, полноты присутствия и напряженного вопрошания. Отсюда отвлечение от уже написанного текста, навсегда выпавшего из интенционального контекста порождения мысли.

Г.А. Лесскис, вспоминая труды и дни по знаковым системам, так рассказывает о своем знакомстве с философом на Летней шко-

де в Тарту: «...Я вижу мысленно бледное овальное лицо высокого черноволосого мужчины, слегка прихрамывающего и косящего, лицо милого (это одно из любимых его словечек) Александра Пятигорского. Я познакомился с ним в Кяэрику в 1964 году. Все уже давно спало. Я один устроился в пустой комнате барака и долго не мог заснуть, однако уже задремывал, когда кто-то испугнул мой сон. Это был А.М., опоздавший на полсутки к открытию школы. Мы закурили, разговорились, и вскоре выяснилось, что мы с ним расходимся во взглядах решительно по всем пунктам. Мой собеседник оказался отчаянным антипетровцем и антизападником: „пьяный сифилитик“ и „дегенерат“ — были самыми мягкими эпитетами, какими А.М. наградил государя императора Петра Великого и Вольтера. Впрочем, позже я убедился, что А.М., человек очень широких взглядов и очень сердечный, любил порой выражаться, как извозчик, причем не только по адресу своих противников, но и по адресу самых сердечных друзей, но в последнем случае к бранному слову непременно добавлялось „mon chère“, а в особо патетических местах А.М. еще добавлял „Oh, mon bon Dieu!“».

И нам уже мерещится дух Ницше, вселившийся в Ноздрева! «Пятигорский — гениальный человек, но врун», — шутил Лотман. И он весь — отсутствие системы. Изменчивый, софистически лукавый, соблазнительный и артистичный парадоксалист. «Если тебе человек скажет: „Слушай, как ты верно сказал!“ — это первый признак того, что ты неверно подумал». Пятигорский никогда не равен себе: сегодня он не тот, что вчера, и завтра не тот, что сегодня. Какой-то вечный адюльтер мысли, философское соловей-разбойничество! Вместе с тем он страшно разумен, разумен до скуки и дотошного бухгалтерства, но это бухгалтер с шаманским бубном. «Жуткий человек! Холод разума и декадентская возбужденность ощущений сливались в нем в одно великое, поражающее, даже величественное и трагическое, но и в смешное, комическое, легкомысленное, порхающее и софистическое». Впрочем, это уже не о Пятигорском, — так А.Ф. Лосев пишет о Сократе.

Какая-то избыточность всего его экстравагантного облика вытекает отнюдь не из внешних обстоятельств, а из почти мистического типа личности. Поэтому он так тянется к людям вроде Гурджиева. Пятигорский мыслитель акультурный, выступающий, как и его духовный близнец Мамардашвили, за полную независимость сознания от языка и культуры. Мы познаем через язык, но не благодаря ему. Культура со всеми ее объективациями (не исключая и этой книги) — результат клиширования, омертвления живого и пульсирующего опыта сознания. Истинным признается лишь некий первичный метафизический акт мысли, который сам по себе схватывается познавательным сверхусилием и невероятным экзис-

тенциальным напряжением, а вся дальнейшая культурная обработка и систематизация этого акта осуждается. Культура изначально дана нам в своей ложности, деиндивидуализирующей стихии, в «превращенном» и превратном виде. Из этого вытекает необходимость радикальной критики культуры. Нам, патриотам родной литературы, культивирующим образованность и любовь к отечественной истории как абсолютные ценности культуры, очень трудно это принять. У нас каждый культурный текст стремится в пределе стать Текстом с большой буквы, энциклопедией русской жизни, «огромным всероссийским требником-образником, из которого столетия и столетия будут черпать все, кому не лень» (Мандельштам). Да и сама жизнь мечтает превратиться в Книгу, стать не правильной, а праведной, не жизнью, но всенародным житием. Здесь рождается потаенная и еретическая мысль Достоевского «о русском Евангелии».

В позиции же Пятигорского—Мамардашвили через отказ от традиционных стереотипов проводится идея о некоем коренном пороке русского культурного самосознания — **отсутствии формы**. «Россия — царство недуманья». От философа в таком случае требуется осознание и расколдовывание этой мистифицированной культурной реальности.

Парадокс заключается в том, что философствование Пятигорского, радикальным образом отрицающее язык (где есть язык, там нет сознания, где есть сознание — нет языка), реализует себя исключительно и всецело через хорошо темперированное и бесконечное говорение. Не через письменный текст, который создает хоть какую-то иллюзию молчаливого отрицания и отчуждения пишущего от языка, как бы спускаемого «под лед», — а через неустанное фонтанирование речи. С помощью и внутри этой набрякшей и цепкой речи наш герой и пытается достичь искомых доречевых состояний. Философу необходимо живое присутствие «здесь» и «теперь», непосредственное разыгрывание, выполнение голосом и телом события под названием «мысль». Нейтральный стиль классической метафизики сменяется высочайшим гипертонусом слова и экстазами его чувственных развоплощений. Метафизика с олимпийских высот чистой мысли нисходит и погружается в недра культуры, разрывая изнутри мучительные нарывы бессмысленности. (А метафизиком нынче быть гораздо труднее, чем не-философу быть философом.) Правда, это «стремящееся долу брюхо» метафизики само рискует быть вспорото культурой, уничтожающей любые попытки ее осознания.

В этом есть что-то от религиозной мудрости, ибо философ собой согревает и врачует прокаженное тело культуры. Этой мудрости нельзя научить, ее нельзя передать. Ее девиз: «Делай, как я!».

«Учитель не может знать всего, — заметил как-то Ю.М. Лотман, — но ученик должен верить, что учитель знает всё». На что, я уверен, А.М. возразил бы: «О боги! Я старый дурак, таким и умру. Мне бы самому хоть что-нибудь понять! Как я могу кого-то чему-то научить?» Спасение бытийствующих — дело рук самих бытийствующих. Это та парадоксальность, к которой невозможно привыкнуть, а раз овладев ею, удержать навсегда. Мысль, как любил говорить покойный Мамардашвили, — это возможная невозможность и потому удивительно, что она есть. А она именно есть вопреки ужасающей пустоте и бессмысленности нашего уж слишком культурного существования.

Я бесконечно благодарен Аркадию Блюмбауму, Лидии Ворониной, Елене Ильичёвой, Наталье Мазур, Лине Михельсон и Александру Осповату, Катерине Петровской, Игорю Померанцеву, Юрию Сенокосову, Игорю Смирнову и Соне Феддер, дружеское участие и помощь которых я ощущал все полтора года работы над этим изданием.

Моя совершенно особая признательность — Валентине Яковлевне Мордерер и Сергею Юрьевичу Мазуру. Без них не было бы книги.

Григорий Амелин

I

СЕМИОТИКА

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО РАССМОТРЕНИЯ ТЕКСТА КАК РАЗНОВИДНОСТИ СИГНАЛА*

0.0. За последние два десятилетия в науке наблюдается одна тенденция, постепенно становящаяся общей для большинства отдельных наук и определяющая всякое научное мышление вообще. Эта тенденция, которую условно можно назвать лингвистической, заключается в том, что группа явлений, вычленяемая в предмете отдельной науки, описывается как предметный язык¹. Количественные и качественные отношения внутри этого языка рассматриваются как его дифференциальные элементы, сочетания которых описываются как эмические единицы. Дистрибуция этих единиц и основанное на ней противопоставление их служат тем исходным, чем задается структура предметного языка. Целью отдельной науки становится описание такой предметной структуры. Подход, при котором новое (для исследователя) явление рассматривается или описывается с точки зрения данной структуры, поскольку она уже описана, есть эмический подход. На данном уровне развития научного мышления (методы которого отнюдь не исчерпываются лингвистическими), лингвистическая тенденция представляется эффективной в том смысле, что характеризуемый ею метод исследования дает наибольший эффект при ограничении разнообразия информации, которую представляет объект исследования, иначе говоря, при превращении объекта исследования в предмет науки посредством формализации, т. е. выработки и применения тех форм, в которых происходит это превращение. Лингвистический, или структуральный, метод быстро расширяет сферу своего применения. Вероятно, именно в этой экстенсивности лежат причины того, что он до сих пор не развивается в направлении решения двух вопросов: вопроса о рассмотрении и описании самого этого метода как структуры и вопроса о структурном рассмотрении совокупности всех или по крайней мере близких друг к другу наук, взятых как единый объект исследования.

* Опубликовано: Структурно-типологические исследования. М., 1962, с. 144—154.

¹ Напоминаем, что *предметом* здесь условно считается совокупность названий свойств объекта, или, поскольку это более принято в кибернетике, названий разновидностей его поведения.

0.1. В программе по изучению сигнализации, намеченной в 30-е годы Моррисом², были поставлены три основных проблемы: отношение знаков друг к другу, отношение знаков к десигнатам и отношение знаков к агентам. Рассматриваемые как предметы трех наук (синтактики, семантики и прагматики), эти отношения, по мысли Морриса, в своей совокупности могли бы составить сложный предмет науки о сигнализации, в отличие от лингвистики, которая, сознательно отвлекаясь от процесса, изучает только его результат — сигнал. Но, по-видимому, поскольку синтактика (в современной терминологии — собственно лингвистика) и отчасти семантика уже определились как предметы наук, а еще не определившаяся прагматика все же отчленена от них эмпирически, предмет науки о сигнализации должен включать в себя и представление об общих методах и связанных с ними понятиях, необходимых при переходе от одного из этих трех предметов к другому.

1.0. В статье будет сделана попытка объяснения или раскрытия нескольких общих понятий, относящихся к прагматической сфере сигнализации, вернее, к той части этой сферы, где объектом исследования является текст. Текст может быть рассмотрен вне предмета лингвистики. В системе последнего он фигурирует как сложное целое, с точки зрения теории сигнализации — как элементарное понятие. В лингвистике текст — это определенным образом ограничиваемое разнообразие сигналов, здесь же мы сначала будем иметь дело не с разнообразием внутри текста, а с разнообразием текстов. Каждый текст (или его часть) может рассматриваться как один сигнал.

Другим резонансом в пользу отнесения теории текста к науке о сигнале, а не о языке может послужить то обстоятельство, что значительная часть текстов (идеографические, некоторые иероглифические и т. д.) может быть вообще не связана с конкретным языком. Предварительно будет произведено несколько предметных ограничений эмпирического понятия текста.

1.1. Во-первых, текстом будет считаться только такое сообщение, которое пространственно (т. е. оптически, акустически или каким-либо иным образом) зафиксировано.

Во-вторых, текстом будет считаться только такое сообщение, пространственная фиксация которого была не случайным явлением, а необходимым средством сознательной передачи этого сообщения его автором или другими лицами.

В-третьих, предполагается, что текст понятен, т. е. не нуждается в дешифровке, не содержит мешающих его пониманию лингвистических трудностей и т. д. Разумеется, речь может идти лишь

² Ch. Morris. Foundations of the theory of Signs. Chicago, 1938, pp. 6—9.